

Д Гром

Граница
СОЗНАНИЯ

Д Гром

Граница сознания

<https://litres.ru/73963221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса приходит в себя после 28 дней комы, вызванной аварией, и сталкивается с шокирующим открытием: по словам врачей и матери, у неё никогда не было мужа и детей. Однако она с невероятной ясностью помнит свою семью — мужа Льва, сына Матвея и дочерей-близнецов Сою и Серафиму, — а также уютный дом и повседневные, наполненные теплом моменты семейной жизни.

Её сознание словно разделено на два мира: в одном она — одинокая женщина с тяжёлой медицинской историей, в другом — любящая мать и жена

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Д Гром

Граница сознания

Глава 1

Пролог

Темнота застилала комнату. Она была тако й густой, вязкой, как смола

Алиса не понимала, где у нее глаза, где руки и где вообще начинаются границы ее тела-слышался только один звук, ровный и бесконечный, пульсировал где-то далеко-далеко, словно совершенно в другой реальности.

Пи-и-и-и. Пи-и-и-и. Пи-и-и-и.

Она подумала: это будильник.

Надо протянуть руку, нажать на кнопку, и можно будет еще поспать. С кухни послышался голос Льва:

-Лисенок, вставай, я приготовил завтрак

Густой, обволакивающий аромат свежемолотого кофе мягкой волной заполнил комнату вытесняя остатки сна

В коридоре был шум и гам, дети уже давно не спали, Серафима с Соней бегали в поисках своего мягкого плюшевого зайца, которого делили между собой, эта

была их любимая игрушка, и никто из них не хотел с ним расставаться...

Пи-и-и-и.

Рука не слушалась.

Алиса попыталась пошевелить пальцами и встать — все было тщетно. Ни тепла, ни холода, ни каких-либо ощущений. Только звук и темнота. Резко появилось чувство удушья, как будто кто-то сзади накинул удавку

-Мама...

Голос девочки.

Тонкий, почти невесомый. Он пришёл откуда-то слева. Или сверху. Или изнутри самой темноты.

— Мама, не уходи.

Алиса хотела ответить: «Я здесь, я никуда не уйду, просто не могу открыть глаза», — но тело молчало. Даже язык не слушался. Она чувствовала его — тяжелый, сухой, приклеенный к нёбу.

— Не уходи, пожалуйста.

Это Серафима. У Серафимы был голос колокольчика — тихий, но пронзительный. Она никогда не кричала. Даже когда родилась, врач сказал: «Молчаливая девочка. Даже удивительно» — а через минуту Серафима закричала так, что медсёстры вздрогнули. Просто ей надо было время, чтобы понять, где она.

Пи-и-и-и — частота чуть сбилась. Или мне показана-

лось?

— Она уже не здесь, — сказал другой голос.

Мальчик. Спокойный, без паники. В нём была некая усталость — не детская, взрослая, выверенная, как у людей, которые слишком долго ждут.

Матвей.

Двенадцать лет, но говорит как старик. Алиса помнила, как он смотрел на неё вчера. Или не вчера?

- Сынок? Это ты?

Хотела сказать Алиса, но у нее ничего не получалось.

— Ты видишь? — спросил Матвей. — Она ещё дышит.

— Я вижу, — ответила Серафима. — Она плачет.

Алиса не чувствовала слёз. Но вдруг поняла — да, плачет. Откуда-то из глубины, из места, которое даже в темноте оставалось живым, поднималась влага. Она не могла вытечь — ресницы не слушались, веки не открывались, и слёзы скапливались где-то за глазами, давили изнутри.

«Я здесь», — хотела крикнуть она. — «Я слышу вас. Я здесь».

Ни звука.

— Ей страшно, — сказала Серафима. — Мама боится темноты.

— Мама боится не темноты, — возразил Матвей. —

Она боится, что мы уйдём.

Вдруг опять послышалась тишина...

***Пи-и-и-и* — теперь громче, резче. Звук начал распадаться на два: один ровный, четкий, другой — тревожный, с нарастающей амплитудой, как сирена.**

— Она просыпается, — сказал Матвей. — Уходим.

— Нет! — голос Серафимы стал тоньше, почти неслышным. — Я не хочу, она опять забудет!

— Она не забудет, — голос Матвея отдалялся, таял, превращался в шепот. — Она просто проснётся в другой жизни. Как всегда.

— А мы?

— А мы останемся здесь. Ждать.

***Пи-и-и-и* — частота сбилась окончательно, превратилась в сплошной визг. Темнота начала светлеть — не равномерно, а пятнами, как будто кто-то зажжёт свечу прямо за веками.**

— Мамааа!

Крик Серафимы ударил в самое сердце, дыхание перехватило, а тело онемело

— Не спи! Мама, не спи! Мы здесь! М—

Визг монитора перекрыл всё.

ПИ-И-И-И-И-И-И-И-И!

Алиса открыла глаза.

Свет был белым. Не естественным — холодным, люминесцентным, режущим, как лезвие. Она зажму-

рилась снова, но свет уже проник внутрь, растёкся под веками красными кругами.

Рядом кто-то выругался. Женский голос, незнакомый.

— Давление сто на семьдесят, пульс сто двадцать, сатурация...

— Она открыла глаза?

— Да, сейчас, секунду...

Чужая рука в медицинских перчатках приподняла ей веко. Алиса дёрнулась, но тело не слушалось: шея была в чём-то жёстком, руки привязаны? Нет, просто тяжёлые, как брёвна.

— Алиса Андреевна, вы меня слышите?

Голос громкий, профессионально-бодрый. Медсестра? Врач?

Алиса попыталась кивнуть — голова качнулась едва заметно, но этого хватило.

— Отлично. Не пытайтесь говорить, у вас трубка. Сейчас мы её уберём, просто не паникуйте.

Трубка. Какая еще трубка?

Она вдруг почувствовала чужеродный предмет во рту — пластиковый, скользкий, уходящий куда-то глубоко в горло. Её затошнило, но рвать было нечем. Желудок был совсем пустой, сморщенный, забывший, что такое еда.

— Убираем, — сказал врач. — Три, два, один...

Что-то выскользнуло из горла. Алиса закашлялась — сухо, больно, с присвистом. К горлу прилипла мокрота, но выплюнуть не хватало сил.

— Всё хорошо, — врач наклонился над ней. Мужчина, лет сорока, усталые глаза, синие круги под ними. — Вы в больнице. Вы попали в аварию месяц назад. У вас была кома. Сейчас вы очнулись.

Кома.

Слово упало в сознание, как камень в воду — без всплеска, но с тяжестью. Алиса повернула голову — очень медленно, очень больно. Шея затекла, кожа на затылке онемела.

Она увидела палату. Белые стены. Монитор, который пищал теперь ровно, без паники. Капельницу. Свою руку — бледную, с синими венами, без колец. На запястье — след от катетера. Чужое тело. Тонкое, чужое, не её.

— Месяц? — прохрипела она.

Голос был не её. Глубокий, надорванный, старческий.

— Двадцать восемь дней, — ответил врач. — Вы молодец.

Алиса закрыла глаза. На секунду — просто перевести дыхание.

В темноте под веками всё ещё стоял голос Серафимы.

Не спи. Мы здесь.

— Где мои дети? — спросила она.

Тишина. Слишком долгая тишина.

Алиса открыла глаза. Врач смотрел на медсестру. Медсестра смотрела в пол.

— Алиса Андреевна, — мягко начал говорить врач, как говорят с душевнобольными или с теми, кому сейчас разможат жизнь одним предложением. — Но у вас нет детей.

— Как же нет, — Алиса мотнула головой, и голова отозвалась болью. — Есть. Трое. Серафима, Соня и Матвей. И муж Лев.

Врач вздохнул и попросил медсестру принести с кабинета ее медицинскую карту.

— Это ваша медицинская карта. Здесь написано: гистерэктомия в двадцать пять лет из-за разрыва матки при внематочной беременности. Вы никогда не рожали. У вас не было детей.

Алиса смотрела на карту не отводя взгляд. Она никак не могла понять, всё что сейчас происходит — это реальность или сон. Или это просто кто-то очень глупо решил над ней пошутить? — Нет, такого быть не может!

— Вы ошиблись! — раздраженно сказала она. — Я их помню. Я их родила. Я...

Она замолчала.

Потому что вдруг она на мгновение представила, что все сказанное правда, как же тогда дальше жить?

Ни детей. Ни Льва. Ни дома.

— Где моя мама? — спросила Алиса.

— Сейчас позовём, — врач облегчённо кивнул. —

Она каждый день приходила. Ждала, когда вы очнётесь.

Алиса не ответила.

Она молча смотрела в потолок — белый, больничный, с трещиной в углу и потрескавшейся штукатуркой.

Внутри неё, где-то глубоко, в том месте, которое не подчинялось ни медицине, ни логике, маленькая девочка с голосом колокольчика шептала:

— Мы настоящие. Мы рядом.

Алиса закрыла глаза.

Монитор пищал ровно.

Пи-и-и-и. Пи-и-и-и. Пи-и-и-и.

Как будильник, который никто не выключал.

1 глава. Счастье близко

Чудесное зимнее утро. На улице ясная, солнечная погода, лучи солнца просочились в дом и осветили всю комнату. В доме стоял запах мандаринов и хвои, на столько сильный, что даже казалось, что он пропитал даже стены.

До Нового года оставалось три дня, и дом Алисы жил своей предпраздничной жизнью: на кухне несмотря на то, что было еще утро уже вовсю кипела жизнь: созревало тесто для печенья, в зале на полу валялись обрезки цветной бумаги — Соня с Серафимой вырезали снежинки, но увидев своего любимого плющевого зайца быстро переключились на битву за него.

Лев натягивал гирлянду на окно в гостиной и тихо матерился, когда пластиковые крепления отказывались слушаться.

— Папа сказал плохое слово, — сообщила Соня, вбегая на кухню.

— Какое? — спросила Алиса, помешивая какао.

— Не помню. Но оно было длинное.

— Тогда, наверное, это был архитектурный термин, наш папа же архитектор, — улыбнулась Алиса.

Соня кивнула, удовлетворённая объяснением, и умчалась обратно на поле боя.

Алиса прислонилась к столешнице и закрыла глаза на секунду. Всего на секунду. Голова снова разболелась — тупая, пульсирующая боль где-то за левым глазом, которая приходила и уходила уже третью неделю. Врач в поликлинике сказал «мигрень, поменьше кофе, побольше сна». Кофе она пила меньше, а вот со сном были проблемы. Каждую ночь ей снились стран-

ные сны. Белые стены. Писк монитора. И голоса.

— *Давление сто на семьдесят.*

— *Алиса Андреевна, вы меня слышите?*

— *Доченька, очнись, пожалуйста...*

Она открыла глаза. Голоса сразу стихли. На кухне было тихо, только рядом лежал кот Васька и громко мурлыкал, выпрашивая что-нибудь поесть, а за окном шуршал только что, выпавший снег.

— Опять? — раздался голос за спиной.

Алиса обернулась. В дверях стоял Матвей, её двенадцатилетний сын, с книгой в руках и с тем самым взрослым, пронзительным взглядом, который иногда пугал её до глубины души.

— Опять голова, — призналась она. — Просто устала.

— Ты не устала, — сказал Матвей спокойно. — Ты что-то слышишь. Я вижу.

— Сынок...

— Мам, я не лезу, — он поднял ладонь, как будто останавливал её. — Я просто говорю. Если они тебе мешают — скажи им, чтобы говорили тише.

Он развернулся и ушёл в свою комнату. Тихо. Почти без звука. Алиса всегда удивлялась, как он это делает — даже половицы под ним не скрипели, хотя под всеми остальными скрипели.

Она смотрела ему вслед и чувствовала, как внут-

ри поднимается что-то тёплое и болезненное одновременно. Это чувство приходило каждый раз, когда она думала о сыне.

Матвей всегда был особенным.

Не просто умным или задумчивым. Он был *не от мира сего*. Алиса поняла это, когда ему было четыре года. Они гуляли в парке, и Матвей вдруг остановился, посмотрел на берёзу и сказал: «Мама, а почему дерево плачет?» На стволе действительно сочился сок. Но откуда ребёнок знал это слово — «плачет»?

В школе учителя говорили по-разному. Учительница математики называла его гением, но признавалась: «Мне с ним страшно. Он видит ответ раньше, чем условие». А старая учительница литературы однажды сказала Алисе: «Ваш мальчик не от мира сего. Я таких за сорок лет двоих видела. Один спился, другой уехал в Тибет. Просто любите его. Сильнее, чем других».

Алиса тогда обиделась. Но где-то внутри поняла: Матвей требует другой любви. Не громкой, с объятиями и поцелуями, как Соня и Серафима. Его нужно любить тихо. Иначе он закрывается.

Дети в школе не дразнили его. Это было странно — в любом классе найдётся задира для тихого ботаника в очках. Но Матвея обходили стороной. Не потому, что он был сильным. А потому что в его взгляде было что-то, что заставляло детей чувствовать себя нелов-

ко. Однажды хулиган Витя Королёв дёрнул Матвея за рюкзак. Матвей обернулся, посмотрел на него — и Витя отступил. Потом сказал друзьям: «У него глаза как у директора. Только страшнее».

Матвея больше не трогали.

Он не играл в футбол. Не потому, что не умел, а потому что не видел смысла. Он мог предсказать, куда упадёт мяч, за три секунды до удара. Учитель физкультуры попросил его «просто играть, без этих формул». Матвей пожал плечами и ушёл в раздевалку. Не обиделся. Просто не понял.

Не лазал по деревьям. Не потому, что боялся высоты. Просто говорил: «Они живые. Если я залезу, им будет больно. Зачем делать больно тому, кто не может ответить?»

Алиса тогда заплакала. Матвей подошёл, положил ладонь ей на щеку и сказал: «Ты плачешь, потому что я странный?» Алиса ответила: «Нет. Потому что я не заслуживаю такого сына». А он сказал: «Заслуживаешь. Ты единственная, кто меня не боится».

Матвей решал уравнения, которые не снились семиклассникам. Он просто открывал учебник за следующий класс и понимал всё без объяснений. Будто математика была его родным языком. Учителя проверяли тетради с недоверием — слишком чисто, слишком правильно. Но ошибок не находили.

Он читал серьёзные книги, лёжа на ковре в своей комнате, где всегда был полумрак. Маленькая настольная лампа с зелёным абажуром — больше света он не любил. В его комнате всегда было тихо. Стопки книг на полу, листы с формулами на стенах, глобус, который он сам подклеил, когда Соня оторвала Антарктиду.

Алиса часто заходила к нему и садилась рядом. Они молчали. Матвей читал, она смотрела на него. Он был красивым мальчиком — не по-детски, а той странной, тихой красотой, которая бывает на старых фотографиях.

Из гостиной донёсся победный крик Льва — гирлянда наконец поддалась. Алиса улыбнулась и пошла к нему, оставив какао на плите.

В гостиной было красиво. Ёлка стояла в углу — живая, высокая, пахнущая лесом и смолой. Лев притащил её вчера с ёлочного базара, и они вместе наряжали допоздна. Сейчас на ветках уже висели старые игрушки — стеклянные шары, которые помнили ещё бабушку Льва, и новые, яркие, которые дети выбрали сами. Соня повесила на верхушку пластмассового зайца в шубке — потому что «звезда скучная». Серафима молча пристроила рядом ангела из ваты, которого сделала сама на уроке труда.

Лев стоял у окна, отряхивая руки.

— Готово, — сказал он с удовлетворением. — Теперь будет мигать.

— Красиво, — Алиса подошла, обняла его за талию, положила голову на плечо.

Он был тёплым, пах кофе и хвоей. Алиса закрыла глаза — и снова эти голоса.

— *Алиса Андреевна, вы в реанимации. Не пытайтесь говорить.*

Она дёрнулась.

— Ты чего? — Лев повернул голову.

— Ничего, — она улыбнулась, пряча дрожь. — Искрой ударило.

Он не поверил, но не стал спрашивать.

Лев был из тех мужчин, которые чувствуют, когда жена врёт, но уважают её право на маленькую неправду. Он не давил, не выпытывал, не устраивал допросов с пристрастием. Просто смотрел своими серо-зелёными глазами чуть дольше обычного, потом кивал и отводил взгляд. «Скажешь, когда будет нужно», — говорил этот взгляд. И Алиса знала: он не обижается, не копит обиду. Он просто ждёт. Терпеливо, как умеют ждать только очень надёжные люди.

В быту он был медлительным. Алиса шутила, что Лев встаёт из-за стола в три этапа: сначала отодвинет стул, потом посидит секунд десять, потом уже поднимется. Он мог полчаса собираться на прогулку, пере-

кладывая вещи из одного кармана в другой. Он трижды проверял, выключен ли утюг, даже если не гладил. Но эта медлительность не бесила — успокаивала. Рядом с ним мир не бежал, а спокойно шёл.

Зато, когда речь шла о важном, Лев становился совсем другим человеком. Алиса помнила случай, когда Соня в три года подавилась конфетой. Лев сидел в кресле с книгой — медлительный, расслабленный — а в следующую секунду уже был на другой стороне комнаты, перевернул дочь вниз головой, одним чётким движением выбил конфету из дыхательных путей. Всё заняло три секунды. Потом он посадил Соню на колени, проверил, все ли хорошо, и сказал спокойно: «больше никаких конфет». Руки у него дрожали, но решение он принял мгновенно.

Дом, который он спроектировал и построил для семьи — тот самый, в котором они сейчас жили, — был его главной гордостью. Он начал чертить план, когда Алиса была беременна Матвеем. Три года ушло на бумаги, разрешения, поиск участка. Два года — на строительство. Лев сам стоял на площадке каждые выходные, смешивался с рабочими в общей массе, пачкал руки в цементе и возвращался домой с сединой в волосах — не от возраста, от пыли.

В этом доме было всё, что он хотел. Широкая кухня, чтобы Алиса могла готовить и одновременно ви-

детей детей в гостиной. Высокие потолки — чтобы не давило. Большие окна на юг — чтобы солнце заливало комнаты даже зимой. И маленькая, почти тайная терраса с западной стороны, где он поставил кресло-качалку. Только для себя. Чтобы по вечерам сидеть, смотреть на закат и чувствовать, что всё сделал правильно.

— Смотри, — говорил он Алисе, когда они только въехали. — Здесь мы состаримся. Я буду учить внуков забивать гвозди. А ты печь им печенье.

Алиса тогда смеялась.

Сейчас, глядя, как он возится с гирляндой, она вдруг остро, до боли в груди, поняла: она хочет состариться с ним. В этом доме. С этими детьми.

Но голоса в голове шептали, что времени осталось мало.

— Алиса, — сказал он тихо, чтобы не слышали дети. — Ты в последнее время... как будто не здесь.

— Я здесь.

— Нет. Часть тебя где-то в другом месте. Я чувствую.

Она посмотрела в его серо-зелёные глаза, в которых всегда была спокойная, надёжная любовь, и захотела сказать правду. *Я слышу голоса. Мне снятся больницы. Я иногда не понимаю, где сон, а где явь.*

Но вместо этого она улыбнулась и сказала:

— Просто Новый год на носу. Суета. Я в порядке.

Лев поцеловал её в лоб — не в губы, а именно в лоб, по-отечески нежно, и вернулся к гирлянде.

Соня влетела в гостиную с криком: «Смотрите, что я сделала!» — и показала снежинку, которая больше напоминала дырявую салфетку. Лев восхищённо охнул, Серафима вежливо сказала «красиво», даже не поднимая головы от своего рисунка. Она сидела на ковре, поджав ноги, и рисовала ангела. Не того, что висел на ёлке, а своего — с огромными крыльями и печальным лицом.

— Почему он грустный? — спросила Алиса, садясь рядом.

— Он не грустный, — ответила Серафима, не отрывая карандаша от бумаги. — Он ждёт. Он всегда ждёт.

— Кого?

— Не знаю, — Серафима подняла глаза. В три года у неё была странная манера смотреть прямо в душу, не моргая. — Может быть, нас.

Алиса погладила её по голове. Волосы у Серафимы были светлыми, почти белыми, и пахли яблочным шампунем.

Серафима и Соня были близнецами, но такими разными, что никто не верил в их родство. Соня — громкая, быстрая, вся наружу, как искра. Серафима — тихая, глубокая, вся внутри. Соня бежала к миру, Сера-

фима смотрела на мир из укрытия. Вместе они составляли что-то целое.

К вечеру голова разболелась сильнее.

Алиса сидела на кухне одна. Лев укладывал детей — Соня требовала третью сказку, Серафима молча слушала, прижимая к груди зайца. Матвей уже час сидел в своей комнате с закрытой дверью.

Она налила себе чай, достала таблетку — и замерла.

— *Алиса Андреевна, давление упало. Срочно адреналин.*

Голос был чётким, громким, как будто кто-то говорил прямо у неё над ухом. Алиса резко обернулась.

На кухне никого не было.

Только чайник остывал на плите, да за окном медленно падал снег.

— Нет, — сказала она вслух. — Мне не показалось.

Она встала, прошлась по кухне. Прислушалась. Тишина. Только сердце стучит где-то в горле.

— *Доченька, очнись, я тебя умоляю...*

Голос матери. Родной, до боли знакомый, но чужой в своей отчаянной мольбе.

— Мама? — позвала Алиса в пустоту.

Никто не ответил.

Она взяла телефон, набрала номер матери. Татьяна Петровна жила в соседнем городе, приезжала раз в месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.